

Олег Опрышко

*Байки
старого
боцмана*

Олег Опрышко

Байки старого боцмана

«Издательские решения»

Опрышко О. В.

Байки старого боцмана / О. В. Опрышко — «Издательские решения»,

«Байки старого боцмана» — это сборник рассказов, в основу которых легли реальные события из жизни работников речного и морского флота. Некоторые рассказы уже публиковались в сборнике «Морской почерк» издательства «Светоч» и других сборниках различных издательств.

Содержание

Пороги	6
Превратности судьбы	6
Переполох	9
Начальник причала	12
Невский пяточок	14
Выгрузка	16
Операция хрусталь	21
Конфликт интересов	23
Мост	28
Туфли – вакса – Новый год	30
Надо быть в меру ленивым	32
Рыбалка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Байки старого боцмана

Олег Васильевич Опрышко

© Олег Васильевич Опрышко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пороги

Превратности судьбы

Разговор в кабинете начальника отдела кадров «Ленинградского речного порта» продолжался недолго. Что ни говори, а телефонное право, порой, бывает весьма полезно.

– Ну, что, вы нам подходите. Примем на должность начальника причала с окладом сто пятнадцать рублей в месяц.

Валерка чуть не ошалел от такого предложения.

– Иван Данилович, да я никогда ещё не работал никаким начальником, дело то совершенно незнакомое, справиться бы.

– Вижу, справишься, хватка у тебя есть, да и работа там не сложная, а пока не исполнится девятнадцать лет, пару месяцев поработаешь приёмодатчиком на грузовом районе, – по-отечески переходя на «ты» подбодрил его начальник отдела кадров, – там и наберёшься навыка. Зарплата, правда, пониже, ну да это временно. Дела примешь у Кондрата Петровича, он живёт в Кировске на Набережной улице, – начальник написал на листке координаты, сопроводительную записку и передал Валерке, – а мы попросим его поработать ещё эти пару месяцев. Направление на работу и в общежитие возьмёшь у инспектора.

Видя смущение Валерки, Иван Данилович вышел из-за стола, проводил до двери и попрощался с ним.

– Инспектор по кадрам находится по коридору, вторая дверь налево.

Окрылённый благополучным исходом дела Валерка мигом заполнил все необходимые бумаги у инспектора и уже через пару часов сидел в электричке, мчащей его в новую жизнь. Весёлый перестук колёс на стыках пока ещё не «бархатных» рельс вселял надежду на светлое будущее, а ведь всего несколько часов назад жизнь не выглядела такой радужной. Более того, казалось, она наглухо загнала его в тупик.

Приехал Валерка в Ленинград год назад, покинув порог родного дома. После окончания десяти классов, поступил учиться на штурманское отделение речного училища сразу на второй курс, (аттестат о среднем образовании у него уже был). Всё складывалось удачно, однако, через два месяца успешной учёбы сильно простудился и заболел. Пролежал в больнице более двух месяцев, а выписался уже после нового года, когда первая сессия закончилась. Пришлось ему брать академический отпуск. Вернулся Валерка в училище в начале мая. Пока прошёл медкомиссию, оформил восстановительные документы. Первокурсники к тем порам сдали экзамены и собирались ехать на практику. Вот в одну из групп, отъезжающих первыми на судно, его и зачислили. Он уже представлял себя за штурвалом в рулевой рубке лайнера, но всё изменилось в одночасье. Перед самой отправкой на судно, когда все курсанты с чемоданами грузились в машину, к нему подошёл командир роты и, отведя в сторону, сообщил, что Валеркина карьера в училище закончилась. Начальник медицинской службы училища добился его отчисления по состоянию здоровья.

– Я пытался отстоять тебя, – с сочувствием объяснил командир, – но ничего не вышло.

Все курсанты уже разместились в машине и она, мигнув жёлтыми огоньками сигналов, скрылась за поворотом, а Валерка, ошеломлённый услышанным, с горечью в сердце и слезой на глазах, остался стоять на пороге, уже не родного училища. Он чувствовал, что это не справедливо, что его обманули, но где искать правду и справедливость он не знал.

– Сухих, – окликнул его командир отделения, – ты чего здесь стоишь? Знаю, что тебя отчислили, но это не конец света. Пойдем со мной, потолкуем.

– Рассказывай, какие у тебя планы? – спросил командир, когда они пришли в его кабинет.

– Какие там планы, на работу бы устроиться, так у меня прописки нет. Обрато домой ехать, – денег на дорогу нет, да и учиться мне всё равно где-то надо.

– Ну, раз так, считай, что тебе повезло. С завтрашнего дня я перехожу начальником вечерне-заочного отделения. Пиши заявление, а документы твои из канцелярии я сам заберу. И с работой, я думаю, что-нибудь придумаем.

Посмотрев в записную книжку, он поднял трубку телефонного аппарата и набрал номер.

– Иван Данилович, – после приветствия обратился он к абоненту на другом конце провода, – тут такое дело, у меня курсант по семейным обстоятельствам переходит с дневного на вечерне-заочное отделение, – покривил душой начальник, не называя истинную причину перехода, – надо его на работу устроить. Иногородний, ... без прописки, ... так я его направляю к тебе, ... ну, спасибо выручил, – поблагодарил он собеседника и положил трубку.

Так, в одночасье, изменилась Валеркина судьба. Жизнь, совершив крутой вираж и испытывав на прочность духа, вновь вселила в него надежду.

Трёхэтажное здание, расположенное напротив платформы железнодорожной станции с названием «Ивановская», отличалось от соседних жилых домов отсутствием штор или занавесок на половине окон. Валерка обратил на это внимание и не ошибся. Обойдя его, перед входом увидел вывеску «Общежитие Ленинградского речного порта». Комендант общежития, Тамара Ивановна, её имя он узнал у вахтёра, женщина лет сорока пяти встретила его приветливо, и с некоторым любопытством. Валерке даже показалось, что она уже была осведомлена о прибытии его скромной персоны. Так это было или нет, но комната, куда его поселили, и где проживали ещё двое парней, была вполне приличная, если иметь в виду чистые обои, шторы на окнах и практически не повреждённую дверь, в том месте, где врезан замок. Три кровати вдоль стен, три этажерки-тумбочки, по-домашнему покрытые незатейливыми салфетками, небольшой круглый стол, три стула, да встроенный шкаф, – вот и вся меблировка. Чистота и порядок в комнате, а также наличие книг на полках, свидетельствовали об аккуратности и длительном проживании её постояльцев.

Несмотря на значительную текучесть кадров в Ленинградском речном порту, кое-кто всё же задерживался и оседал здесь надолго. Каждый год, после закрытия навигации, начальник отдела кадров речного порта ездил по городам и весям. В Украине и Белоруссии он вербовал работников, завлекая их высокими зарплатами, перспективой роста и проживанием в историческом городе.

– ... Да у нас такая автоматизация производства, что даже докеры работают в нейлоновых рубашках и чёрных галстуках. Вира, майна и двести сорок рублей в кармане, – озвучивал начальник отдела кадров последний аргумент в конце каждого своего агитационного выступления.

Автоматизация производства мало что говорила сельским жителям, а вот о нейлоновых рубашках и чёрных галстуках были давно наслышаны. Окончательное решение сниматься с насиженных мест они принимали после обещанных двухсот сорока рублей зарплаты. Народу приезжало много. Проходили обучение на скоропалительных курсах докеров, крановщиков, мотористов и в начале навигации стройными рядами направлялись на выполнение плана по грузообороту, основному показателю деятельности речного порта. Но, уже через пару месяцев, почувствовав себя обманутыми в плане зарплаты, начинали увольняться. Для такого контингента отводились просторные, на шесть кроватей комнаты, без всякой лишней мебели. Наплыв новых жильцов происходил каждую зиму, а уже к середине лета комнаты начинали понемногу освобождаться, и к концу навигации свободных мест в общежитии было достаточно.

Определившись с жильём, Валерка отправился, представляться начальству Ивановского грузового района, расположенного в живописном месте, на берегу Невы. Здесь, каменная гряда, словно поясом стянув талию, отделила широкие бёдра от стройного бюста красавицы

Невы. Бытует история, что как-то Екатерина II, проезжая в этих местах, молвила случайно, как здесь отраднo, после чего прикупила эти земли у наследников И. И. Неплюева и построила летний царский дворец. Простоял он, однако, надолго, хотя Екатерина II и считала его жемчужиной, среди своих загородных резиденций. Впоследствии дворец был разобран императором Павлом. От построек тех времён осталось только здание почтовой станции на территории судостроительного завода «Пелла».

Единственное здание управления и диспетчерской грузового района располагалось на узкой полоске причала под крутым, обрывистым берегом. Деревянный настил грузовой площадки, заваленный солью, простирался метров на сто пятьдесят от диспетчерской вниз по течению. Прямо напротив управления и вверх по течению, пришвартованные к мертвякам и кустам, кои подновляли после ледохода каждую весну, стояли площадки с песком, плавкраны и портовые буксиры. Далее, метров двести пустынного берега предназначалось для швартовки гонок, (плотов из брёвен) для мачтопропиточного завода, занимавшего участок берега вдоль реки до самой головки Ивановских порогов. Там же высились штабеля уже готовой продукции завода, пропитанные креозотом брёвна, будущие столбы линий электропередач.

Начальник грузового района, посмотрев Валеркино направление, сказал, что он уже в курсе дела, и, без лишних вопросов махнув рукой, куда следует идти, отправил его в распоряжение старшего диспетчера.

– Евдокия да ещё Кузьминична, – несколько раз повторил про себя Валерка это, как ему показалось, необычное имя и отчество диспетчера, – не иначе какая-нибудь старая мегера, – почему-то решил он и направился в указанном направлении.

В небольшом помещении диспетчерской, эркером нависшем над входом в здание, его встретила лет сорока женщина. Сказать, что она была красива, значило покривить душой. Она была очень красива. Высокая, стройная, с чёрными волнистыми от природы волосами, схваченными на затылке в тугий пучок большой заколкой и спадающими до поясницы, она показала Валерке похужей на актрису, из кинофильма «Тихий Дон».

– Здравствуйте, Евдокия Кузьминична, – тщательно выговаривая имя и отчество, приветствовал её Валерка, – направлен приёмосдатчиком в Ваше распоряжение.

– Проходи, присаживайся, будем знакомиться, – отложив линейку и карандаш, которым она делала пометки в графике движения судов, слегка наклонившись над столом, – предложила диспетчер, – рассказывай, кто ты и откуда?

– Валерий Сухих, бывший курсант речного училища, будущий начальник причала Невской Дубровки, а ныне стажёр – приёмосдатчик.

– Ну, раз будущий начальник, это хорошо, – улыбнулась она, – работать будем вместе. Дежурство – сутки через двое. Ты в общежитии устроился?

– Да, в комнату заселился, только вещи ещё в училище.

– Ладно, завтра после дежурства съездишь, заберёшь, а пока давай-ка чаю попьём.

Она захлопотала возле столика, стоявшего в углу диспетчерской, продолжая расспрашивать Валерку, откуда он родом и как очутился здесь и уже после того, как они перекусили начала знакомить с обязанностями приёмосдатчика.

Переполох

Самоходка «Тюмень» пришла под погрузку на мачтопропиточный завод как раз под выходные. В субботу её поставили к причалу и начали грузовые операции. Валерка, с утра заступив на суточное дежурство, целый день мотался по дальним причалам. Оформлял грузовые документы о выгрузке или погрузке, наряд-задание для бригад докеров, потом сходил в столовую пообедать и только к вечеру появился в диспетчерской.

– Что так долго-то, я уж волноваться начала, – пожурила его Евдокия Кузьминична, с которой Валерка работал с первого дня, как только появился на районе.

– Так сегодня выходной, транспорт совсем плохо ходит, целый час на остановке простоял.

– Не оправдывайся, сходи лучше на причал завода, там бригада пошла самоходку грузить, а за технику безопасности бригадир в наряде не расписался, да уточни, сколько погружено на шестнадцать часов.

– Это я мигом, автобус ждать не надо.

Валерка вложил бланк «наряд – задания» в газету, свернул трубочкой и, размахивая ей как саблей, отгоняя комаров, направился вдоль причала. День клонился к вечеру, жара уже спала, но прохлада ещё не наступила. Было немного душновато, однако грозы не предвиделось. Это лето выдалось на редкость жарким. После весенних гроз дождей, практически, так и не было.

Погрузку брёвен, возвышающихся шестиметровым штабелем на причале, вели при помощи стропов. Докеры, словно муравьи, ползали по штабелю, заводя строп вначале с одного конца брёвен, приподнимали их краном, заводили второй строп и после чего кран укладывал пучок в трюма речного судна. Работа не сложная, но достаточно опасная потому и следовало соблюсти все меры предосторожности и формальности по технике безопасности. Валерка помахал крановщику, что бы тот прекратил работу и полез к бригадиру на штабель.

– Чего это тебя принесло сюда?

– Так, вы «сэр», забыли в наряде за безопасность расписаться, – с иронией ответил Валерка, протягивая бригадиру наряд, – инструктаж проводить будем, или сами не маленькие?

– Иди уж инструктор, без тебя знаем, – расписываясь в бланке, ответил тот.

– Ну, вот теперь всё в полном ажуре, – знакомясь с азами бухгалтерского учёта, необходимого Валерке для его будущей должности, он порой пользовался новой терминологией, – сколько уже погружено? – перешёл он ко второй части поручения.

– Так мы только начали, а что до нас было, лучше спроси на судне.

Без балласта и груза, «самоходка» высоко возвышалась над палубой плавкрана. Валерка спустился с каравана, по трапу-сходне перешёл на плавкран, и, по спущенному штормтрапу, поднялся на судно. Вахтенного матроса на палубе не было, и ему пришлось побродить по надстройке, пока нашёл вахтенного помощника.

– Приёмосдатчик, – представился Валерка, – кто у вас командует погрузкой и сколько загружено на шестнадцать часов?

– Старпом командует, сейчас я его позову, – ответил вахтенный помощник и скрылся в лабиринтах коридоров.

Вскоре из тех же лабиринтов появился старпом. Получив у него исчерпывающую информацию о количестве груза на борту, Валерка, выслушав недовольство старпома медленным темпом погрузки, пообещал доложить начальству, хотя лично его претензии грузового помощника мало беспокоили. Слава Богу, что хоть так грузят, а то ведь сегодня суббота, докеры могут и запить, правда, за этой бригадой подобное редко замечали, разве что после полочки. Валерка и сам норовил сегодня отпроситься на пару часов, чтобы сходить на танцы. Танцплощадок в городе было несколько, но летом наибольшей популярностью пользовалась та, что находи-

лась у станции, где, в отличие от других, на которых нередко использовали магнитофонные записи, всегда звучала живая музыка. Играл заезжий эстрадный ансамбль в составе четырёх музыкантов и певца-солиста. Площадку эту, за её внешний вид, в простонародье называли «Зверинец». Очень уж крытый помост, обнесённый сеткой «Рабица», напоминал вольер для животных в зоопарке.

Закончив дела на судне, Валерка отправился в обратный путь, когда на полпути к диспетчерской, на пустынном берегу, неожиданно увидел двух прелестных незнакомок. Они шли навстречу видимо из магазина, стоявшего неподалёку на пригорке.

– Привет, – не зная как начать разговор, засмутился Валерка, – откуда такие красавицы у нас на районе и что вы здесь делаете?

– Гуляем, – ответили девушки, насмешливо поглядывая на него, – а что нельзя здесь гулять?

– Да нет, нет, конечно, можно, только вон там, где идут грузовые операции опасно, а так можно.

– А мы как раз туда и направляемся.

– Вы, наверное, с судна? – Догадался Валерка, – а у нас сегодня танцы, и настоящий эстрадный оркестр играет, если вы не возражаете, я мог бы проводить, вот только документы закину в диспетчерскую и буду свободен.

– У них уже есть провожатые, – услышал Валерка голос за спиной.

Двое изрядно подвыпивших парней подходили к ним с явно недоброжелательными намерениями.

– Провожатые, может и есть, да только вряд ли они дорогу знают.

– Ничего, дорогу найдём и тебе покажем.

Едва успев уклониться от бокового удара, Валерка понял, – мирного разговора уже не получится и перешёл в наступление. Влепив прямой в челюсть оказавшемуся перед ним забияке, он отступил назад, не давая второму хулигану напасть сзади. Несколько удачных выпадов из боксёрской стойки, которую Валерка успел принять, засунув «наряд-здание» за пазуху форменки, заставили второго нападающего ретироваться в сторону реки. Валерка кинулся было за ним, но тот, отступая, стал заходить в воду.

– Вот и остынь немного, – крикнул ему Валерка, переключаясь на его напарника.

Его товарищ предпринял было попытку помочь своему другу, но, столкнувшись с Валеркой один на один, поспешил отступить, увидев в его руках палку, которую тот успел подобрать. Бригада грузчиков и, сидевшие на корме судна матросы, наблюдали за потасовкой. Так бы всё и закончилось. Да и девчонки уже успели уйти, однако экипажу судна, видимо, не понравился исход сражения и человека четыре устремились на берег, помочь потерпевшим фиаско. Валерка не стал дожидаться, пока они окажутся на месте конфликта, и поспешил в диспетчерскую.

– Ты чего это такой взъерошенный? – поинтересовалась Клавдия Кузьминична.

– Вы не поверите, только что на своём причале, едва не схлопотал. Еле отмахался.

– Ничего не пойму, от кого отмахался?

– Да экипаж на самоходке, видать белены объелись, вот и бузят.

– Пьяные, что ли?

– Про всех не скажу, но кое-кому мозги точно следует вправить.

– «Тюмень», «Тюмень» – ответьте «Радикалу», – вызывала по радиации диспетчер самоходку, – что-то не выходят на связь, придётся позвонить в судходную инспекцию. Пусть приедут, разберутся.

– Клавдия Кузьминична, да не надо «судходчиков», сами разберёмся, Дело то частное, тем более на берегу произошло.

– Ничего, лишний раз проверить не помешает.

Такой исход дела Валерку не устраивал. Получалось, вроде, будто он заложил экипаж «судоходчикам», хотя всего-то требовалось вразумить несколько гоношистых матросов.

– Клавдия Кузьминична, я отлучусь на часок?

– На танцы собрался?

– Да я только скажу, что у меня сегодня дежурство, и сразу обратно.

– Сейчас полшестого, чтобы в восемь как штык был здесь.

– Вот спасибо, я ненадолго.

– Да иди уж, от греха подальше, пока тут всё не прояснится.

Минут через пятнадцать Валерка был уже у «зверинца».

– Привет Петуха, наших много собралось?

– Да, человек десять здесь видел, скоро ещё подойдут, а чего ты такой заполошный, случилось что?

– Да не то чтобы случилось, – и Валерка рассказал о происшествии, – такая вот история с географией.

– Не, ну такое у нас не пройдёт. Надо наставить этих овец заблудших на путь истинный. Подожди-ка здесь, я мигом.

Петруха направился то к одной, то к другой группе молодёжи и вскоре с десятков крепких парней, собравшись в одну компанию, направился в сторону грузового района. Не успели они отойти и на сотню метров, как слухи о происшествии понеслись по посёлку.

– Куда это портовские двинулись?

– Да, вроде на причале кого-то побили.

– Да не побили, а убили. Там бригада брёвна грузит на самоходку, вот кого-то и прибило бревном.

– Самого тебя бревном в детстве стукнуло вот и мелешь чего не попадя.

Оставшаяся у танцплощадки молодежь, с любопытством переспрашивая друг друга, постепенно, небольшими группками потянулась вслед ушедшим. Уже спустившись к реке, Валерка оглянулся и был поражён, увидев толпу. Человек сто пятьдесят зевак, собрались на крутом берегу, с любопытством взирая на происходящее. С криками: «на abordаж», покажем им «кузькину мать», – подвыпившая компания, жаждущая возмездия и приключений, устремились к самоходке. Кто по штурмтрапу, кто по швартовым канатам, они подобно пиратам атаковали судно, толком не зная кого искать и что с ним делать, но их воинственные крики, заглушающие звук дизеля плавкрана, наводили страх на экипаж «Тюмени». Каким-то образом контролировать их действия было уже невозможно, да собственно никто и не пытался этого делать. Разогнав экипаж по каютам и подсобным помещениям, где те и забаррикадировались, к приходу катера судоходной инспекции нападавшие покинули судно. Обошлись без потерь, если не считать потерей пару человек, свалившихся, по пьяному делу, в воду при штурме самоходки, но их благополучно вытащили, и сочли это просто забавным происшествием. Как-никак все остались довольны: экипаж, хоть и напуган, но цел; зеваки-зрители, – забавным зрелищем захвата судна, (не каждый день в посёлке такое событие); Валерка, – тем, что наказал хулиганов; а участники штурма возможностью нескучно провести время до начала танцев. Только диспетчер Клавдия Кузьминична укоризненно посмотрела на Валерку, едва тот переступил порог диспетчерской. Судоходный инспектор уже просветил её по поводу случившегося, и она, несомненно, догадалась, чьих это рук дело.

Начальник причала

Два месяца пролетели как один день. Ещё накануне Валерка зашёл к начальнику района и напомнил, что согласно договорённости после своего дня рождения он едет к Кондрату Петровичу принимать свой причал. За месяцы стажировки в качестве приемосдатчика, он вполне освоил обязанности и теперь готов самостоятельно командовать на вверенном ему объекте. К тому же повышение оклада на тридцать целковых было для Валерки как нельзя кстати. Приближалась осень, а у него, кроме курсантской форменки да болоньевого плаща, ничего не было. Помня выражение «встречают по одежке», Валерка с вечера нагладил брюки, фланельку, гюйс и с утра пораньше направился к Кондрату Петровичу. Его деревянный домишко, примостившийся на узкой полоске земли между шоссе и обрывистым берегом Невы, на окраине Кировска, Валерка нашёл без труда. На стук во входную дверь никто не отозвался. Валерка хотел было постучать в окно, но, заметив, что дверь закрыта не плотно, а только прикрыта, вошёл в сени. Он не увидел здесь практически ни какой хозяйской утвари, что показалось ему несколько необычным. Широкая, приземистая дверь, обитая дерматином и войлоком, так же была слегка приоткрыта, будто здесь кого-то ждали, или может быть, просто проветривали помещение. Двадцати пяти градусная жара, уже который день стоявшая на улице, заставляла людей целый день держать окна, а порой и двери открытыми. Валерка постучал в косяк дверей кулаком, и, услышав: «Входите, не заперто», – прошёл в избу. Его удивил спартанский вид помещения. Никакой лишней мебели, предметов обихода. На вешалке висела только мужская одежда.

– Как в общежитии, – подумал Валерка, – похоже, старик один живёт. Здравствуйте, Кондрат Петрович, – громко поприветствовал он хозяина, – смена прибыла.

Из соседней комнаты вышел худой, сгорбленный старик, как показалось Валерке лет восьмидесяти, а может и больше. Он даже удивился, как тот ещё мог работать в такие годы. Валерка протянул ему сопроводительную записку, от начальника отдела кадров.

– Давно тебя жду, – прочитав записку, Кондрат Петрович направился к небольшому столику у окна, взял там потёртую кожаную папку и протянул Валерке, – здесь бланки актов, чековая книжка и печати. Оглядел Валерку, и, видимо не доверяя его бравому виду, добавил, – смотри не потеряй. Приболел я что-то, – как бы извиняясь за свой внешний вид, с горечью сказал он, – совсем не до работы, а на подходе самоходка и два лихтера, такая вот ближайшая перспектива.

– Не потеряю, – заверил его Валерка, – А как вы до причала добирались?

– За мной с комбината катер присылали, «Дубровец» или «Домостроитель», ну а тебе придётся на автобусе, до остановки «Невский пятачок», да ты её проезжал когда сюда ехал, от неё по бетонной дорожке до берега, а там подождёшь или покричишь, чтоб тебя перевезли на этих же катерах. Они постоянно местных жителей перевозят.

– А у нас там хоть какая будка или вагончик имеется? – приняв документы, Валерка уже представлял себя начальником, сидящим в кабинете, где есть не только стол, но и сейф, для хранения печати и чековой книжки, – где ж мне находиться пока идут грузовые операции?

– Ты на плавкране будешь обитать, пока выгрузка не закончится.

Валерка ещё о многом хотел расспросить Кондрата Петровича, но болезненный вид старика не располагал к длительной беседе.

– Кондрат Петрович, может в магазин надо сходить или аптеку, принести чего или помочь так я мигом.

– Спасибо, ничего не надо, скоро дочка придёт.

– А когда самоходка и лихтера подойдут?

– Сейчас уточним, – старик снял трубку служебного, допотопного телефона, стоявшего на том же столике где лежала папка, и, дождавшись ответа телефонистки, попросил соединить его с диспетчером. Переговорив с ним, он не стал класть трубку, а только постучал по рычагу и, попросив телефонистку переключить его на начальника района, доложил, что передал дела новому начальнику причала, то бишь Валерке.

– Лихтера подведут ночью, а самоходка придёт завтра утром, – сообщил он последнюю информацию, – так ты не спеши ставить лихтера под выгрузку, первой самоходку поставь, а уж потом лихтера. Всё равно кран подведут только утром, а простой самоходки обойдётся много дороже, чем лихтеров. Да, чуть не забыл, буксир, для перестановки лихтеров заранее, часа за три заказывай на районе. Порожние лихтера «Дубровец» с «Домостроителем» переставить могут, а вот гружёный им не потянуть. Ну, ладно, иди, а то я что-то притомился.

Валерка попросался, вышел за порог и всё никак не мог понять, если бы он сегодня не принял дела, как бы Кондрат Петрович смог завтра выйти на работу. И ведь его никто не торопил с этой приёмкой, а старик то едва ноги носит.

– Да, начальство далеко, и ему абсолютно до лампочки, что с человеком, – подумал он и запрыгнул на подножку двери отходящего от остановки автобуса.

Невский пятачок

Причал Невская Дубровка находился на правом берегу Невы, напротив знаменитого «Невского пятачка». Автобус четырёхста сорокового маршрута притормозил у остановки «Арбузово», но, ввиду отсутствия пассажиров, останавливаться не стал. Следующая должна быть моя, вспомнил Валерка ориентиры, о которых говорил Кондрат Петрович, и направился к передней двери «Львовского» автобуса чтобы не проехать мимо. Водитель, едва взглянув на него, лихо крутил баранку, преодолевая извилистый участок дороги, и не снижая скорости, пронёсся мимо следующей остановки.

– Что же вы не остановились, мне здесь нужно выходить, – возмутился Валерка.

– А здесь остановка по требованию.

– Так я и подошёл к двери, приготовился к выходу.

– Мало ли кто, куда не подошёл. Ты ведь ничего не сказал.

У Валерки аж дух перехватило от злости.

– А Вы что, совсем без понятия, для чего пассажиры поднимаются с сидений и подходят к двери?

Пока бранились, автобус уже подкатил к следующей остановке и Валерка, пообещав накапать на водителя жалобу, с досады пнул раскрывшуюся дверь и выскочил из автобуса. Теперь ему предстояло пройти по диагонали весь «Невский пятачок».

– И чего я разошёлся, – недоумевал он, – сам ведь давно хотел съездить сюда, своими глазами посмотреть, походить по этим местам. Сколько уже доводилось слышать об этой выжженной на полметра в глубину земле, а когда представилась возможность воочию посмотреть на всё это, – недоволен. Когда бы сподобился, а тут такой случай, да и плавкран ещё не подвели, только что видел на Лобановском плёсе. Пока дотащат да установят, больше часа в запасе есть, – размышляя над этими обстоятельствами и обозвав себя занудой, Валерка перешёл дорогу и направился сначала к «тридцатьчетвёрке», стоящей на постаменте, а от неё к обелиску защитникам «Невского пятачка».

Несмотря на утреннюю пору, солнце палило как в разгар дня. Земля раскалилась, и парила прозрачным маревом. Валерка присел, разулся; не только потому, что давно уже хотел походить голыми пятками по земле, вспомнить своё босоное детство, и не потому, что как Моисей на Синае услышал голос с небес «Сними прежде обувь с ног твоих...». Он не смог бы объяснить, но почему-то ему казалось, что здесь можно ходить только так, босиком. Медленно, стараясь наступать на выгоревшую под жарким солнцем траву, пятнами, словно лишаями покрывавшую всё поле, он пошёл к берегу. На этой выжженной снарядами земле, даже спустя двадцать пять лет трава ещё не росла сплошным ковром как в других местах, а выглядела низкорослой и чахлой. Зачастую под ноги попадались небольшие ржавые осколки снарядов, наступив на которые, Валерка морщился от боли, но обуваться не стал.

– Да здесь металла больше чем земли, – подумал он, обходя воронки и окопы.

Дойдя до берега, удивился ещё больше, увидев сложенные рядками штук тридцать разного калибра мин и снарядов. Они были слегка проржавелыми, но казались вполне боеспособными. Огромный неразорвавшийся снаряд дальнобойной артиллерии с вывернутым взрывателем, словно поросёнок примостился под обрывистым берегом. Такими снарядами могла стрелять только морская артиллерия, и, упав здесь, он, словно понимая, что не долетел до врагов, каким-то чудом не взорвался. Обмелевшая река метров на пять-семь отступила от берегов, обнажив песчаное мелководье, и Валерка побрёл вдоль берега, выковыривая порой пальцами ступни стальные осколки. Один раз ему попалась вполне целая граната лимонка лишь с немного повреждённой чекой. Он осторожно поднял её, повертел в руках и закинул, от греха подальше, на середину реки. Буксир с краном ещё только показался из-за поворота. Пройдя

с полкилометра, Валерка развернулся и, зайдя по колено в прохладную воду, приятно охлаждающую воспалённые от хождения по острым камням и осколкам ступни ног, пошёл обратно. Сквозь слегка буроватую от примесей торфа и ила воду, дно реки просматривалось только на небольшой глубине. Валерка, с любопытством разглядывая подводный мир, не собирался заходить глубже. Стайки мелких рыбёшек мелькали под ногами, испуганно шараясь в стороны. Вздвогнув от неожиданности, Валерка так и замер с поднятой ногой, едва не наступив на выбеленный водой человеческий череп. Полузанесённый песком, взвизгивающий в небо пустыми глазницами, он вызывал смешанное чувство страха и жалости.

– Чей он, почему он здесь, почему только череп, что с ним делать? – Постепенно приходя в себя, Валерка сообразил, – раз немцев здесь не было значит, это мог быть только наш воин, погибший при переправе. Вытащить его и положить на берегу? А мало ли найдётся недоумок, вздумавший побаловаться, – такое приходилось уже видеть ему, когда ребятня, откопавшая скелет, посчитав себя «крутыми» таскали череп на палке, пугая прохожих, пока не приехала милиция.

Он нашёл большой камень, приволок, и положил его чуть выше по течению от трагичной находки.

– Пусть покоится с миром, где погиб. Надо будет только местных предупредить, – решил Валерка и направился к деревянным мосткам, куда должен причалить катер и собирались местные жители в ожидании переправы.

– А почему так много боеприпасов на берегу, да и останки не захоронены? – Делясь впечатлениями об увиденном, поинтересовался Валерка у капитана катера пока шли к плавкрану.

– Сапёры изредка приезжают, забирают, что пацаны накопают, а разминирование произвести невозможно, миноискатель пищит беспрестанно. Надо всё поле перепахивать, и останки погибших воинов, если находят, то перезахоранивают потом в братской могиле, да часто только фрагменты тел попадают, особенно здесь, в воде.

– Да, вот и мой дядька где-то под Ленинградом погиб, может быть в этих местах, кто знает.

– Сколько их, без вести пропавших лежит в земле и под водой. Прими, Господи души рабов твоих, отпусти им прегрешения вольные и невольные и отвори им врата Рая небесного – помолился седой капитан и коротко перекрестился.

Выгрузка

Как и предупреждал Кондрат Петрович, два лихтера ещё ночью поставили на рейде, а самоходка, гружённая тремя тысячами кубов леса, была уже на подходе. Буксир, притащивший плавкран, помог встать ему на якоря и теперь стоял рядом в ожидании распоряжений. Валерка попросил высадить его на плавкране, как-никак это теперь его причал и он здесь начальник, связался по рации с самоходкой и отдал распоряжение сразу становиться под выгрузку. Собственно говоря, больше, пока, ему и делать то было нечего. Буксир помог самоходке пришвартоваться и ушёл на район, а Валерка, забрав на судне грузовые документы, поднялся к крановщику. Они уже успели подружиться в общежитии.

– Вить, я посижу тут у тебя, а то внизу слишком шумно.

– Так посиди, если делать нечего.

– Пожалуй, что нечего, а чем Кондрат Петрович занимался, когда шла выгрузка?

– Когда в каюте спал, а когда дома сидел и приезжал только наряды закрывать.

– Не, в общежитие я не поеду, далеко ездить, лучше здесь перекантоваться.

– Да ты на самоходку сходи, у них, наверняка свободная каюта есть, глядишь, на ночь приютят.

– Ближе к вечеру схожу, спрошу.

С полчаса Валерка наблюдал, как Виктор управляет краном и ему самому захотелось попробовать, так же легко хватать грейфером огромные охапки брёвен, ловко переносить, и аккуратно опускать в воду, где брёвна расплывались в пределах кошеля, огороженного бонами, и сплавлялись вниз по течению. Метров пятьсот ниже, на территории комбината, рабочие, ловко орудуя баграми, заправляли плывущие брёвна на лесотаску, при помощи которой брёвна вытаскивали на берег и складировали в штабеля.

– Вить, дай поработать, давно хотел научиться, да всё возможности не представлялось.

– А что, поучись, пока караван берём, может когда-нибудь пригодится.

– Смотри, – и Виктор стал объяснять, как произвести правильный захват, подъем, и перемещение, чтобы поднятый груз не раскачивался.

– Да это я уже понял, ты дай мне самому рычаги подёргать.

– Ну, садись, только не спеши и не дёргай, плавненько всё делай, потихоньку. Подъём и поворот на первой скорости.

– Не бойсь, я аккуратненько.

Валерка сел за рычаги, и попробовал приподнять грейфер. Холодный пот проступил где-то между лопаток. Кран, управляемый неуверенной рукой молодого крановщика, вначале несколько раз дёрнулся, потом, взревев дизелем, поднял полный грейфер брёвен и плавно повернулся в сторону берега.

– Ну, да ты у нас прирождённый крановщик, – с удовлетворением отметил Виктор.

– А что, зря я тут торчал, наблюдая, как ты работаешь? Через полчаса я тебе весь ленец сниму, – возгордился своим успехом Валерка.

– Не хвастай, нюансов в этом деле много. Покрутись маленько, а я пока спущусь в машинное отделение, посмотрю, что моторист делает, – убедившись, что у Валерки всё получается как надо, разрешил ему Виктор.

– Эх, хорошо быть крановщиком. Сиди себе, дёргай за рычаги, и на голову не каплет и зарплата хорошая. Может выучиться зимой на крановщика, а следующую навигацию самому сесть на кран, хотя с другой стороны, работа-то сезонная, да и какой ещё кран попадётся, а то будешь пол навигации ремонтировать, – размышлял Валерка, всё увереннее управляясь с новой техникой.

– Ну, что, освоился? Давай-ка теперь я поработаю, а то мы так с тобой и до вечера караван не снимем, – прервал его размышления Виктор.

– А что, у меня уже вполне прилично стало получаться.

– Вот и хорошо, другой раз ещё потренируешься.

– Ну, трудись, а я схожу на берег да на самоходку, надо согласовать, кто будет зачистку делать, если что, я буду там. От них выйду на связь с диспетчером, пожалуй, на утро можно грузчиков заказывать.

– Да, к утру основное выгрузим, так что завтра докеры понадобятся.

– Нет, всё-таки начальником быть лучше. Гуляй себе, пока выгрузка идёт, да и зарплата всё же приличная, – рассуждал Валерка, прогуливаясь по посёлку и знакомясь с его достопримечательностями. Улица Щурова, Невская, Новая, Школьная, Советская, Заводская, – да что у них других названий нет, всё как в у нас в Отрадном. После осмотра местных достопримечательностей, Валерка отправился в заводскую столовую поужинать. Кормили здесь вполне прилично, и что самое главное дёшево. Взяв с собой порожков, бутылку молока он вышел на улицу, и раздумье присел на скамейке в сквере.

– Хорошая у меня должность, но скучно работать начальником, черт знает, чем ещё заняться, может рыбалкой? Купить снасти, да сидеть на бережку, однако, как-то неудобно в рабочее время бездельничать. Кондрат Петрович пенсионер, ему и дома посидеть не грех, а мне куда податься? Разве что на самоходку, пора на ночлег определяться.

На судне старпом выделил ему свободную каюту, а утром Валерка нашёл себе подходящее занятие, взяв на себя обязанности сигнальщика, (трюма глубокие и крановщику из кабины не видно где остатки груза). К полудню самоходку выгрузили, даже с опережением графика. Оформив грузовые документы и выписав чек за доставленный груз, Валерка распрощался с гостеприимным экипажем. Подошедший с «Ивановского района» буксир переставил лихтер с рейда под выгрузку и, забрав оформленные грузовые документы, отправился обратно, а Валерка вновь полез в кабину крановщика осваивать азы профессии. Караван сняли быстро, а дальше дело застопорилось. Люковины трюма на композитных лихтерах небольшие, грейфер полностью не раскрыть, да и большой пучок брёвен через них не поднять вот и приходится работать в половину захвата грейфера. Вечерняя смена только и успела, что взять груз из открытых трюмов, а дальше начиналось самое сложное, вытаскивать брёвна из-под надстройки. Тут вообще без дополнительных приспособлений и сноровки не обойтись. Длинный трос, пропущенный через канифас-блок, петлёй заводят за торцы брёвен под палубной надстройкой и после этого, потянув за конец троса, вытягивают брёвна в открытую часть трюма. Только после этого их можно захватить грейфером. Валерка впервые столкнулся с такой проблемой, и, несмотря на то, что в ночную смену приехала бригада из пяти опытных грузчиков, выгрузка застопорилась. Дело «запахло» Итальянской забастовкой. Вроде все на местах, но находятся причины, по которым работать становится невозможным. В час ночи Валерка собрал всех в кают-компании плавкрана.

– Ну, что мужики, в чём проблема? Крановщик спать устроился, грузчики перекуривают второй час, как наряд будем закрывать? Что на район докладывать, чем бригада занималась?

– Да мы что, мы готовы работать, – возразил бригадир, только приспособлений никак не найдём, сам знаешь трос надо длинный и канифас-блок.

– Так давайте сообщим диспетчеру, что на кране нет приспособлений, пусть везут с района. Если я правильно понимаю, они должны быть на кране да куда-то исчезли. Так или нет?

Валерка уже давно понял, что крановщик приехал на смену слегка выпившим, и по всем правилам его надо бы отстранять от работы, но ему не хотелось обострять обстановку и поднимать большой шум. Грузчики-то не виноваты, что смена пройдёт впустую, и они останутся без

заработка. Да и на районе простой никому не нужен, а пойдёт молва, что Валерка не справился с обязанностями, да ещё и крановщика заложил.

– Должны быть приспособы, всё верно, – оправдывался крановщик, – но я недавно на этом кране и толком не знаю, что где лежит.

– Ну, я тебе в этих поисках точно не помогу, зови своего моториста, он, кажется, давно здесь работает, и учти, если через пятнадцать минут работа не начнётся, я вызываю другую смену с района.

– Да ладно Валерка, что ты загоношил, сейчас всё найдём.

Крановщик с мотористом отправились на поиски, а грузчики, годившиеся Валерке в отцы, одобрительно кивнув, потянулись за бригадиром на палубу. Вскоре дизель в машинном отделении натужено загудел, и Валерка понял, что рабочий процесс пошёл. Однако не прошло и пятнадцати минут, как пришёл бригадир, и заявил, что трюм не освещён, и в этих условиях грузчики работать не могут, тем более в подзоре, где надо заводить трос. На самоходках, освещение рабочего места обеспечивает экипаж судна, от своей электросети, но на лихтерах стоят только ветряки и в основном пользуются керосиновыми лампами или фонариками.

– А что, на кране нет люстр освещения или переносок?

– Пара люстр была, да мы их использовали для освещения трюма, а кормовой подзор освещать нечем.

– Утром электрика спросим, куда переноски и удлинители подевал, а пока пошли к шкиперу, хоть керосиновую лампу пусть даёт, работать то надо.

Недовольство шкипера можно было понять. Поднятый с постели от тёплого бочка жены, (как правило, на лихтерах работали семьями), протирая заспанные глаза, он никак не мог сообразить чего от него хотят.

– Какие фонари, какие лампы, эти вашу мать . . . , – ругался шкипер, – нет у меня никаких ламп, всё освещение всегда с крана брали, а тут удумали, керосинки им подавай, мать вашу . . .

– Извини, отец, я всё понимаю, но пойми и ты. Простой ни тебе, ни мне не нужен. Если имеется у тебя какой фонарь, то давай, а нет, так зря не ругайся.

В конце концов, шкипер принёс небольшой фонарь со свечой, и, пробурчав недовольно: «только судно мне не спалите», окончательно удалился, наглухо задраив все двери.

Хоть и не люстра, но всё же. Испытав это чудо прошлого века, Валерка пришёл к выводу, что заставить людей работать с таким освещением он не может, однако и выгрузку надо как-то организовывать. Взяв у крановщика спецодежду, он переоделся и полез в трюм.

– В общем, так мужики, ваша задача подавать мне трос, и принимать брёвна. Работать в подзоре буду один.

– Да ты что, сдурел, не приведи Господь тросом или бревном придавит, что делать будем, – отговаривал его бригадир.

– Ничего, я осторожно. Пока не уйду в безопасную зону, трос не тянуть. Я подам команду.

В кормовом подзоре, забитым шестиметровыми брёвнами под самый подволоок, оставался лишь небольшой проход вдоль борта. Запалив фонарь, Валерка полез в эту узкую щель. Обхватив тросом концы десятка брёвен, Валерка пробрался в безопасный угол.

– Тяни потихоньку, – крикнул он бригадиру.

Докеры пропустили трос через канифас-блок, зацепили конец за грейфер и кран, рыкнув дизелем, потянул. Брёвна, как на салазках, выехали в середину трюма. Сверху образовался небольшой просвет и дальше дело пошло сподручнее. Вскоре моторист принёс ещё одну переносную люстру.

– Валерка, иди наверх, посигналь крановщику, а здесь мы сами управимся, – словно извиняясь, попросил бригадир.

– Хорошо, – не стал упрячиться Валерка, – тащи переноску, да аккуратнее здесь, брёвна то в самый притык к переборке напихали. И как это они умудряются забить этот подзор так плотно? Видать есть у них для этого специальные приспособления.

Светало. Чем больше брёвен вытаскивали из этого неудобного подзора, тем светлее и безопаснее становилось работать в нём.

Все грузчики справляли работу в трюме, а Валерка, стоя на палубе, сигнализировал крановщику, куда подавать грейфер и когда тянуть. К концу смены выгрузку благополучно закончили, и Валерка, удовлетворённый проделанной работой, вновь подумал: «Хорошо быть начальником, и решения надо принимать самому и люди тебя слушают».

Утром пустой лихтер отбуксировали на рейд, а гружённый поставили под выгрузку. Валерка, немного покомарив в каюте крановщика, отправился в столовую. Пока снимали караван, делать ему здесь было нечего. Понемногу осваиваясь со своими обязанностями, суть которых, как понимал Валерка, заключалась не просто в оформлении документов, а именно в организации работ, он приобретал и авторитет. К вечеру на рейд подвели ещё пару гружёных лихтеров, и Валерка справедливо рассудил, что его рабочий день закончится ещё не скоро.

– Закончим с выгрузкой, неделю буду в общаге отсыпаться, – решил он.

Не зная чем бы ещё заняться, новоиспечённый начальник причала бродил по палубе плавкрана, наблюдая, как брёвна из раскрытого грейфера летят в воду. Ниже по течению, там, где работала лесотаска, видимо произошла какая-то заминка. Выгруженные брёвна быстро наполнили кошель и теперь падали друг на друга, образуя на мелководье небольшой завал.

Крановщик, словно не замечая этого, работал споро и завал из брёвен постепенно превращался в огромную кучу. Глядя на этот завал, Валерка размышлял над действиями крановщика, пытаясь понять его логику. С одной стороны, надо быстрее выгружать, с другой, накидав огромную кучу, выгрузку всё равно придётся останавливать, пока эту кучу не растащат.

– Интересное кино, получается. Поживем – увидим хорошо это или плохо.

К полудню караван с лихтера сняли, и пока крановщик обедал, заводские буксиры, цепляя брёвна тросами, пытались растащить завал. Кошель уже был свободен, но брёвна, плотно лежавшие на дне и возвышающиеся пятиметровой кучей над водой, никак не хотели сплывать вниз по течению. Долго бы ещё катера мудохались, но неожиданно для Валерки, и как ему показалось вполне ожидаемо для крановщика, на плавкран прибыл представитель грузополучателя.

– Тут такое дело, мужики, – начал он издали, – с утра у нас лесотаска сломалась, только недавно починили, а вы, за это время, вон какую кучу накидали. Нашими буксирами и не растащить её. Не могли бы вы своим краном помочь?

– Да у нас своей работы полно, – начал крановщик, – пока светло надо лихтер выгрузить, да и вообще, нам за это не платят.

Теперь Валерка сообразил, что в действиях крановщика, всё же был определённый смысл, и он подключился к разговору.

– Полагаю, мы смогли бы помочь, но всё зависит от цены вопроса. Наряд-то крановщику закрывать надо. Скоро конец смены, а он пока только на чай и заработал.

– Да я не против оплаты, полста рублей заплатим, только надо будет договор на выполненные работы заключить, и сегодня же в бухгалтерии получите. Кондрат Петрович, случалось, не раз нас выручал.

– Ну, так это другое дело, – перехватив одобрительный взгляд крановщика, согласился Валерка.

Скоренько составили договор об оказании дополнительных услуг, подписали, у кого положено и уже через пару часов сияющий Валерка вернулся с сорока рублями.

– Что так мало, удивился крановщик?

– Так тринадцать процентов подоходный налог удержали да за бездетность семь процентов.

– Вот, блин, совсем забыли, надо было на меня оформлять.

– Да, пока бы ты бегал оформлять да получать, кто б работал?

– Следующий раз тебя за рычаги посажу.

– Согласен, – кивнул головой Валерка, – или другой раз договор составим с учётом налогов.

Так постепенно Валерка начал постигать премудрости и тонкости своей должности. Вскоре все лихтера разгрузили, кран ушёл на район, и Валерка отправился в общежитие отсыпаться.

Операция хрусталь

Отоспавшись после бессонных ночей на работе, на второй день Валерка, по уже выработанной привычке, проснулся рано. В общежитии все просыпались рано. Трансляционные приёмники, почти в каждой комнате включенные на полную мощность, вместо будильников с шести утра поднимали жильцов. Хлопали двери комнат, по коридорам шаркали тапками те о которых говорят, поднялся, но ещё не проснулся, и стучали каблуками туфель торопившиеся на работу работники Ленинградского речного порта. По-летнему яркое и тёплое солнце ранней осени предвещало отличную погоду. Не спеша Валерка поднялся, включил с вечера наполненный водой чайник и пошёл умываться.

– Хорошо, однако, быть начальником причала. Сам себе голова. Нет судов на подходе, и гуляй в своё удовольствие, – размышлял Валерка над возникшей, ввиду полной свободы действий, проблемой времяпровождения.

Пока он умывался, чайник вскипел, и оставалось только накрыть на стол, когда в комнату заглянул сосед по этажу, Коля большой. Были и другие Коли, но этого звали большой не только за его рост и комплекцию, но и за его большое, доброе сердце. Работал он докером и никогда ни на что, и не на кого не жаловался. Выпивал частенько, но никто не видел его, как говорится в стельку пьяным. Говорили, что он был когда-то женат, но после развода поселился в общежитии и больше с женщинами не встречался. Сам Коля большой тему женщин в застольных беседах старался обходить, и на вопросы о семье отвечал уклончиво, что, мол, не сошлись характерами, потому и разошлись. Зато, если кому-то нужна была какая-либо помощь, он первым приходил на выручку и, в меру своих сил и средств, всегда выручал.

– Трояк до получки не одолжишь? – извиняясь за раннее вторжение, виноватым голосом спросил он.

– Вчера бы одолжил, а сегодня, если очень нужно, надо ждать, когда сберкасса откроется. Вчера десять целковых, что случилось на работе подхалтурить, на сберкнижку положил.

– Да мне только сегодня на пропитание, а завтра, может, зарплату получим.

– Ну, позавтракать у меня найдётся чем, а дальше видно будет.

Валерка заварил чай, достал из тумбочки хлеба, банку килек в томате, немного колбасы, оставшейся после ужина, да полпачки сахара.

– Спасибо, не откажусь, – присаживаясь за накрытый стол, поблагодарил большой Коля, – денёк сегодня отличный, можно бы и за грибами в лес сходить, набрать на жарешку.

– А ты что, знаешь здесь грибные места?

– Чего их знать-то, лес большой, корзинку подосиновиков или маслят всегда можно собрать. Их тут полным-полно.

– Слушай, я сегодня свободен, как птица в полёте, и в лес с удовольствием сходил бы. Если тебе не на работу, сгоняем на пару часов. Что-нибудь да насобираем.

– Отчего же на пару, если свободен, можно и весь день провести в лесу. Я лес люблю. Тишина там покой, и душа отдыхает.

– Отлично, сейчас позавтракаем и двинемся, мне бы только где корзинку раздобыть?

– Ну, с корзинкой не проблема. У меня на балконе валяется пара штук.

Поход удался на славу. Набрали по полной корзине маховиков, подосиновиков да подберёзовиков.

– К этим грибкам да ещё картошечки, жарешка бы получилась знатная. Давай заскочим в магазин на обратном пути, возьмём пару килограмм, – сглатывая слюну, предложил Валерка.

– Такую закуску да без рюмашки употреблять, всё равно, что грех на душу брать.

– Ну, на картошку и рюмашку денег у нас точно не хватит.

– Эх, была не была, так и так грех на душу брать. Пойдем, подкапнем на разных участках пару кустов молодой картошечки, выберем из двух грехов меньший, – решил Колька и направился к неогороженным участкам частных, засаженных картофелем огородиков.

– Знаешь что, Валерка, – после чистки грибов и картофеля предложил Колька, ты пока готовь всё это. Начни с грибов, отвари их сперва, потом на сковородку, да лучку не жалея, потом картошки добавишь, а я пробегусь по комнатам, проведу операцию хрусталь.

– Что за операция хрусталь? – удивился Валерка.

– Денег перед получкой ни у кого нет, это точно, а вот пустые бутылки по углам возможно у кого и завалились. Пока ты тут справишься с грибами, я соберу посуду да сдам, глядишь, хватит на бутылочку винца.

Запах жареных грибов с молодым картофелем привлекал обитателей соседних комнат сильнее, чем ароматный нектар цветущих первоцветов проснувшихся пчёл. Они беспрестанно заглядывали на кухню, где Валерка колдовал над сковородками, и, узнав об операции хрусталь, не преминули оказать содействие, дабы не пропустить такое событие. Не успел Валерка и глазом моргнуть, как Коля большой с двумя рюкзаками на плечах, доверху заполненными пустыми бутылками, словно гружёный морской лихтер, проплыл мимо кухни по коридору. Едва Валерка успел приготовить жарешку, как Коля, сияющий, словно начищенная бляха курьезного ремня, уже стоял на пороге комнаты с тремя бутылками дешёвого вина и парой буханок хлеба.

– «Гуляй рванина от рубля и выше», – радостно продекламировал он Высоцкого, складывая всё на стол.

– Ну, ты затарился, – удивился Валерка, – утром то и на хлеб денег не было.

– Запомни Валерка, хлеб – для плоти, а вино, понимаешь, оно для души. Вот требует душа и ничего с этим поделать нельзя, потому на вино всегда деньги найдутся.

Застолье затянулось допоздна и тремя бутылками вина не ограничилось. Что говорить, раз душа просит.

Дня три его никто не беспокоил, а на четвёртый позвонил дежурный диспетчер района и предупредил, что на Валеркин причал идёт караван из трёх лихтеров, которые необходимо будет выгрузить как можно быстрее. Навигация подходит к концу, а план по завозу леса на комбинат ещё далёк от выполнения.

– Справимся, – заверил Валерка, уже достаточно освоившийся на новом месте, – а когда кран поведут?

– Часа через два, как закончат грузовые операции на районе.

– Так я на нём и пойду, пусть без меня не отходит, – предупредил Валерка, планируя ещё заскочить в магазин и набрать продуктов на всё время предстоящей работы. Бездельничать в общезитии ему весьма надоело.

Конфликт интересов

На буксир Валерка успел вовремя. Только-только «БК-43» взял плавкран под борт и запрашивал у диспетчера, регулировщика движения в Ивановских порогах, разрешение на занятие фарватера. Валерке нравилось ходить по Неве на буксире, и, если представлялась такая возможность, он старался её не упускать. Да и толкаться в автобусе, потом идти пешком, с набитыми продуктами авоськами, ему совсем не хотелось.

– Три композитных лихтера, это дней на пять выгрузки, – делился соображениями с крановщиком Валерка.

– Пожалуй, так, – согласился тот, – сегодня, если к концу дня встанем на место, начать выгрузку наша смена вряд ли успеет.

– Поживём – увидим, – не то согласился, не то нет Валерка.

Только что он получил внушение от начальника грузового района за то, что нормативы выгрузки на его причале превышаются, а лишнее время приходится списывать за счёт непогоды, и теперь размышлял, как организовать работу, чтобы ускорить процесс.

– Эй, на кране, отдавайте швартовы, – распорядился капитан буксира и добавил оборотов на двигатель.

Валерка посмотрел на часы и, отметив время начала буксировки, удобно расположился на большом старом диване, установленном в «месте для курения» на палубе плавкрана. Буксир, выбрасывая тёмный дым из трубы, силился всеми шестью поршнями «Хабаровского» дизеля, преодолевая самое узкое и быстрое место Невы. Выше Ивановских порогов встречное течение ослабло, скорость буксира увеличилась и, поглядывая на отдыхающих, прогуливающих по берегу, Валерка определил её как не менее пяти километров в час, а это значило, что на месте они будут часа через два или три, если задержат на Лобановском плёсе.

– Пока поставим кран, подведём лихтер, ещё час проволындимся, и всё равно, разгрузку должна начать ещё эта смена, – прикидывал Валерка.

Крановщик, поняв Валеркин настрой, да и самому хотелось побольше заработать, не теряя даром времени, перецеплял троса с грейфера для сыпучих грузов на грейфер для выгрузки брёвен.

– Так-то оно лучше, – наблюдая за крановщиком, усмехнулся Валерка, – а то не успеем начать, не успеем. Всё успеете, если сачковать не будете.

Приближаясь то к левому, то к правому берегу, капитан буксира обходил отмели и, не всегда следуя обозначенным буйми фарватером, шёл вверх по одному ему известным ориентирам, используя участки реки, где течение замедлялось или даже становилось обратным. Скорость при этом возрастала, а расход топлива оставался прежним. Риск, конечно, был, но мастерство судоводителя вознаграждалось премией за экономию топлива, порой достигавшей половину оклада. Премия капитану, Валерку мало интересовала, а вот что до места доберутся быстрее – вполне устраивало.

– Вы бы проверили оснастку для выгрузки: канифас блок, троса и прочее, – обратился он к крановщику, закончившему работы с грейферами и присевшему рядом с Валеркой, – и люстры переноски, штуки три подготовьте, а то прошлый раз полсмены искали да ремонтировали.

– Да всё приготовлено давно, вон там в коффердаме сложено.

– Буду тоже знать, где лежит, а то сменщик твой прошлый раз Незнайкой прикидывался, мол, не знаю, что где хранится.

– Да у него, видать другая причина была, водится за ним такое, вот и стал стрелки переводить.

– Понятное дело, что была, это вы сами, со своим старшим разбирайтесь, а лампы в люстрах всё же проверь, чтобы все горели.

– Проверю, – нехотя поднимаясь с дивана, ответил крановщик.

Кузьминский мост и Лобановский плёс, регулируемые диспетчером участки реки, прошли без задержки и ещё засветло, хотя время белых ночей уже прошло, ошвартовали кран и подвели под выгрузку лихтер.

– Быстро управились, а ты говорил, не успеете начать. До конца смены пол каравана снимешь, – подбадривал Валерка крановщика, – дай-ка я свяжусь с диспетчером, сообщу, что начали выгрузку, да узнаем, как сменщики добираться будут, на катере или автобусом.

– Кран 243 Радикалу, – затрещала рация в ответ на Валеркин запрос, – доложите обстановку.

– Начали выгрузку лихтера 1254. БК-43 работу закончил и ушёл на район.

– Принято, – подтвердила диспетчер, – если смену отправляю автобусом, смогут они переправиться на ваш берег?

– Пусть выезжают, да потом посигналят с берега. Заводским катером или на своей шлюпке переправим.

– Принято, отправляю автобусом. До связи.

– До связи, – подтвердил Валерка.

– Ты бы договорился с заводским катером, чтобы нам свою шлюпку не спускать, – предложил крановщик.

– Пойду, спрошу, думаю, не откажут, а ты посматривай на тот берег, сменщиков увидишь – посигналь. Я на катере буду.

– Валерка, только ты сначала нас заведи, чтобы катер два раза не гонять.

– Конечно, что им два раза мотаться, а здесь я пригляжу. Только ты главный двигатель заглуши, а в работе оставь один вспомогач.

– Договорились.

Довольный, что всё идёт как нельзя лучше, и к концу смены успеют снять часть каравана, а к утру, пожалуй, весь лес с палубы и из открытых трюмов, Валерка направился к приятелю на буксирный катер «Домостроитель».

– Лучшим людям пламенный привет, – крикнул Валерка, поднимаясь на пришвартованный к бревенчатым бонам катер.

– А, начальник причала, ну заходи, заходи, – приветствовал капитан Валерку, выглядывая из ходовой рубки, – что привело, в сей поздний час? Мы уж на покой собирались. Перестановок-то ночью не предвидится?

– Так будем стоять, до утра работы хватит, а я к вам с просьбой, сменщиков с того берега надо будет забрать.

– Не вопрос, доставим. Когда они должны подъехать?

– Думаю, через полчаса. Они уже выехали с района.

– Ну, время ещё есть, садись, перекури. А что Кондрат Петрович, как поживает?

– Да когда у него дела принимал, приболевшим был, а сейчас не знаю. Дочь там за ним ухаживала, думаю, оклемается.

– Поправится, он крепкий мужик. Мы с ним давно, сразу после войны вместе работали. Он начальником причала, а я на буксире. Тогда, правда, у нас другой буксир был, старенький, всю войну здесь прошёл, уцелел, а уж потом посреди Невы затонул.

– Как так затонул?

– Да, совсем худой был. Мы плоты поджимали. Ткнулись в гонку посильнее, вот корпус и не выдержал. Быстро так затонул. Едва мы с матросом на гонку выскочить успели.

– А потом достали его?

– Дня два водолазы искали на дне, да так ничего не нашли. Глубина и течение здесь слишком большие.

Валерка хотел было ещё порасспрашивать о послевоенном времени, но услышал сигнал с плавкрана.

– Похоже, смена приехала, – прервал Валерка интересную беседу, – вы подождите пока крановщик с мотористом не подойдут. Перевезёте их на тот берег и смену заберёте, а я пойду на кран присмотрю там.

– Чего ж не подождать. Подождём. Не бегать же два раза.

Едва новая смена перебралась с катера на плавкран, настроение у Валерки стало меняться.

– А как всё хорошо начиналось. Что теперь с этими работничками делать? – глядя на явно подвыпивших крановщика и моториста соображал Валерка, – и старую смену уже не вернуть. Из троих прибывших только сигнальщик, пожалуй, трезвый, – приглядываясь к докеру, отметил Валерка.

– Начальнику гип-гип – ура!

– Ну, и как это всё понимать? На кой ляд вы приехали?

– Валерка, всё в порядке, мы приехали работать.

– Да кто вас, в таком состоянии к работе-то допустит?

– Ладно, согласен, дай мне полчаса вздремнуть, – согласился крановщик, чтобы не обострять отношений.

– Час! Максимум, что могу дать, чтобы отоспались. Ровно через час, чтобы крутился кран, как белка в колесе.

– Спасибо, Валерка, ты настоящий друг, – пробормотал крановщик и скрылся в своей каюте.

– Начальником быть хорошо, но что делать с такими-то работничками? – прохаживаясь по палубе и поёживаясь от ночной прохладной сырости, размышлял Валерка, – шли, можно сказать, с опережением графика и всё коту под хвост.

Как Валерка ни старался, но, ни через час, ни через полтора растормошить крановщика не смог.

– Серёга, – поднял он моториста, – иди, запускай главный двигатель, пора начинать работу, иначе обоим по прогулу будет.

– А я чо, я ничего, я всегда готов, – засуетился моторист и направился в машинное отделение.

– Виктор, – решился Валерка на крайнюю меру, когда всё было готово и главный двигатель пущен в работу, – если ты сейчас не встанешь, я сам полезу на кран и начну выгрузку.

– Иди, – пробормотал сквозь сон крановщик, – ты начальник, тебе виднее.

– Ты сказал, – словно как в детстве Валерка отсчитывал: раз, два, два с четвертью, два с половинкой, два на ниточке, ... – и чтоб не было потом отговорок, что не знал.

– Иди, иди, – буркнул крановщик, перевернувшись на другой бок.

Если бы днём, Валерка, не задумываясь, сел бы за рычаги, но при слабом освещении от пары прожекторов на стреле крана, когда темнота скрадывает расстояние до объектов, честно сказать – побаивался. Всё ещё надеясь, что крановщик одумается, и примется за работу, Валерка неспешно поднялся в кабину крана, сел в кресло и взялся за рычаги. Повредить лихтер при выгрузке его устраивало ещё меньше, чем простой крана, который всегда можно списать на неисправность, но в данном случае дело пошло на принцип. Или он, Валерка, начальник причала, или так, пустое место.

– Блин, да кто здесь начальник? Я или «Прошка»? – подстегнул себя Валерка и, с силой потянув рычаг подъёма грейфера, тут же отпустил его.

Двигатель, взревев от резкой нагрузки, постепенно сбавлял обороты, а грейфер, словно выскочивший из табакерки чёрт, закачался над палубой.

– Стоп, стоп, так нельзя, – успокаивал себя Валерка, – делаем всё плавненько и потихонечку.

Теперь уже осторожно он развернул кран в сторону лихтера и, раскрыв грейфер, медленно опустил его на караван.

– Так-то оно лучше, – спокойно выдохнул Валерка, – теперь закрываем грейфер и двумя тросами выполняем подъём.

Дизель натужено загудел и пучок плавно поплыл вверх, потом в сторону и, зависнув над местом выгрузки, опустил в воду. Только здесь Валерка раскрыл грейфер и брёвна стали расплываться по акватории. Дальше дело пошло успешнее. После третьего или четвертого подъёма Валерка, заметив на палубе крановщика, совсем забыв об опасности, решил прихвастнуть. Захватив полный грейфер, он вместе с подъёмом нажал педаль поворота. Охапка брёвен, чуть не зацепив крышу, пронеслась над ходовой рубкой лихтера. Валерка едва успел испугаться, как в кабину влетел крановщик.

– Ты что, мать твою, делаешь? Хочешь меня под монастырь подвести? А ну марш отсюда.

– Кто бы спорил, я не буду, – уступая кресло крановщику, пробормотал Валерка, – так оно лучше будет.

Понаблюдав какое-то время за работой крановщика, Валерка спустился в кают-компанию и устроился на широком диване, подложив под голову чей-то ватник, и, прислушиваясь к переменному рокоту главного дизеля, вскоре задремал, изредка просыпаясь, если звук двигателя становился равномерным продолжительное время.

Разбудила его внезапная тишина. Валерка взглянул на часы. Ночная смена закончилась и крановщик, заглушив главный двигатель, сидел здесь же за столом и заполнял вахтенный журнал.

– Вставай, начальник, пора наряд закрывать.

– Много выгрузил?

– Караван снял и из трюма почти половину.

– Мало, я рассчитывал только в кормовом подзоре останется. Сменщиков на том берегу не видать?

– Пока не было видно. Сегодня воскресенье, автобусы реже ходят.

– Ладно, приедут, куда они денутся. Давай смотреть, куда будем время списывать. В нормативы опять не уложились, и сигнальщик всю смену бездельничал, хоть и не по своей воле. Снова мне выговор за вас получать.

– Ну, извини, с кем не бывает. Напиши, что трос меняли, и я в журнале отмечу.

– Эдак вот вы меня под монастырь и подводите, – припомнил Валерка крановщику его недовольство ночным происшествием.

Вскоре приехала новая смена и всё пошло своим чередом, но после окончания выгрузки, как только Валерка прибыл на район, его вызвал начальник.

– Валерий Михайлович, почему у Вас на причале опять превышение норм выгрузки?

– Да по разным причинам, порой заводская лесотаска сломается, а акватория для выгрузки маловата, вот и приходится нам ожидать, другой раз и кран ломается. Всякое бывает, – не зная, какими сведениями располагает начальник, уходил от прямого ответа Валерка.

– Ну а в субботу, что за история приключилась при выгрузке лихтера 1254?

– Да ничего особенного. Вечерняя смена успешно справлялась, а в ночную смену была небольшая задержка, но потом наवरстали.

– Мне доложили, что крановщик был пьяным, а Вы покрываете его.

– Ну, нельзя сказать, чтобы совсем пьяным был, просто с остаточными явлениями, а вызывать другую смену ночью вообще не было смысла. Они только к утру бы прибыли, – оправдывался Валерка, лихорадочно соображая, какая сволочь его заложила, и что ещё известно начальнику района.

– Но при этом записали в наряде, что ремонтировали трос. Так или нет?

– Записал. Было дело, но моторист-то с грузчиком не виноваты, что простояли час, да и крановщик наверстал потом упущенное.

– Мало того что покрываете пьянство, Вы ещё и приписками занимаетесь. Объявляю Вам выговор и лишение премии, а наряд на эту смену перепишите с указанием времени простоя. Всё, можете идти.

Валерка вышел из диспетчерской, присел на скамейке и закурил.

– Ну, и где я прокололся, – рассуждал он, глубоко затянувшись, раскуривая сигарету, – что я сделал не правильно? Правду говорят, если хочешь иметь неприятности, заведи друзей и сделай людям добро. А может это вообще не моё дело работать с людьми? Здесь предательство, хитрость и обман – всё имеет место. Надо, нахрен, бросать эту командирскую должность и переходить работать по будущей специальности, с железом и механизмами. Так оно лучше будет. Закроем навигацию, напишу заявление, чтоб перевели работать на флот, – решил Валерка и, зашвырнув недокуренную сигарету в бочку для окурков, направился в общежитие.

Мост

Разводной мост

25 тонный самоходный плавучий кран «Блейхерт» стоял выше Кузьминского моста в ожидании заказанной дневной разводки для следования вниз по течению реки. С опущенной стрелой, габариты крана позволяли ему пройти под мостом, не ожидая его разводки, но процесс укладки стрелы и её подъёма занимал очень много времени и требовал усилий всего экипажа; для чего необходимо объявлять авральные работы. Да и обстановка была такова, что после прохода под мостом, кран должен приступить к работе, всего десятком километров ниже по течению, где его уже ожидало судно. Время разводки приближалось, и капитан отдал команду запускать машины и сниматься с якоря.

Михалыч, мост уже разводят, – доложил вахтенный штурман капитану.

Не спеши, штурман, сначала снизу пройдёт единица, вроде сторожевого катера, а уж потом наша очередь, – ответил капитан.

Разводной пролёт моста остановился, поднявшись на необходимую высоту, и под мост, между его устоями, стал заправляться сторожевик. Плавкран, отойдя от якорной стоянки, приблизился к фарватеру и ожидал прохождения катера, договорившись разойтись с ним левыми бортами. Сторожевик, пройдя мост, добавил скорости и вскоре пронёсся мимо «Блейхерта», обдав его искрящимися брызгами, и качнул на своей волне, будто в знак приветствия.

Пошли и мы под мост – ставя ручки машинного телеграфа на средний ход, сказал капитан, и велел рулевому точнее держать на заданном курсе.

Тысячетонная махина, высоту 21 метр, набирая скорость, приближалась к мосту. Течение реки подгоняло её, и теперь требовался незаурядный судоводительский опыт и мастерство, чтобы попасть в разводной пролёт, учитывая, что под мостом действует сильное свальное тече-

ние. Наметив воображаемую линию, по которой необходимо двигаться, чтобы точно попасть в пролёт, Капитан дал ориентир рулевому.

Держи на радиомачту, – объяснил он, и подошёл к машинному телеграфу добавить ход до полного.

Михалыч, на мосту мужик бегаёт и руками машет, – сообщил рулевой.

Ну, бегаёт и пусть бегаёт, а ты не отвлекайся, – ответил капитан.

Разогнавшись, «Блейхерт» нёсся в разводной пролёт со скоростью велосипедиста.

Михалыч, мужик бегаёт по мосту, и что-то кричит в рупор, – вновь доложил рулевой.

Возьми чуть правее и не отвлекайся, – раздражённо одёрнул капитан рулевого.

И он, и штурман, находясь на крыльях ходового мостика, следили за приближением кранового понтона к устоям моста.

Михалыч, пролёт пополз вверх – крикнул рулевой капитану.

Не отвлекайся, – не успел ответить капитан, окончание фразы застыло у него в горле, когда до него дошёл смысл услышанного.

Стоп машины, полный назад, лево на борт, – закричал он, хватаясь за ручки машинного телеграфа.

До моста оставалось не более ста метров. Разогнавшаяся махина, не успев отреагировать на произведённые действия, стремительно приближалась к его устоям. Всех кто стоял на палубе, как ветром сдуло. Не зацепив разводного пролёта, «Блейхерт» пролетел под мостом, и, замедлив своё движение, начал разворачиваться. Дрожащими руками капитан схватил рупор и, выскочив на крыло, закричал, что есть мочи. Над рекой, заглушая шум работающих машин, понеслись выражения, от которых листва на прибрежных кустах пожухла, а пролетающие мимо птицы, шарахались в стороны, сбиваясь с курса. Выяснилось, что заказанная с вечера высота подъёма моста была рассчитана только на сторожевой катер, а о проходе плавкрана, с его двадцати однометровой высотой, диспетчер толи забыл предупредить, толи телефонная цепочка, по которой передавалось распоряжение, была слишком длинной и где-то произошёл сбой. Плавкран развернулся, и продолжил своё движение, а у капитана добавилось с десятков седых волос на голове. Разводной пролёт начал опускаться и человек на мосту, положив руку на грудь, почувствовал трепыхание своего сердца.

Туфли – вакса – Новый год

Продукцию фабрики «Скороход», в восьмидесятых годах прошлого столетия, можно было разделить на три группы. Модельные туфли – высокого качества, красивые, удобные, модные по цене от семнадцати рублей и выше, выпускались мелкими партиями, в магазинах замечены не были, видимо изготавливались исключительно для «слуг народа». Вторая группа – обувь для военных и полувоенных училищ и армии. Высокого качества и средней стоимости, от 12 рублей но, согласно уставу, единой формы, и потому к моде никакого отношения не имели. Продавались в военторгах и распределялись по складам. Ну а третья группа, самая распространённая, по семь рублей пятьдесят копеек, продавались во всех обувных магазинах Ленинграда. Колодки для их пошива использовались со дня основания фабрики в 1882 потому ни изяществом, ни новизной модели не отличались, да и качество пошива, с тех пор сильно упало. Привлекать они могли только низкой ценой и продолжительным, до двух месяцев, гарантийным сроком, не смотря на то, что подошва отваливалась после первого дождя. Дожди в Ленинграде дело обычное и весьма частое, потому срок носки этих туфель практически совпадал с их гарантийным сроком, а нередко и опережая его. Ремонту они, как правило, не подлежали, однако это не смущало тех, кто смог углядеть в этом свои плюсы. После полутора месяцев использования туфли приводили в божеский вид лучшим сортом гуталина и шли в магазин с претензией на качество изделия. Эксперт без труда находил в изделии заводской брак, и заявитель получал новую пару туфель, чем восстанавливал справедливость.

Как-то под новый год решили мы с приятелем обновить обувь, к тому же и гарантийный срок вскоре истекал. Зайдя по случаю в ДЛТ (дом Ленинградской торговли), набрали на отдел с обувными принадлежностями. Обилие средств по уходу за обувью приятно удивило. Мы долго стояли перед прилавком, разглядывая баночки и тюбики с ваксой, кремом для обуви и гуталином пока не решили прибегнуть к помощи хозяйки отдела, весьма милостивой девушки, давно наблюдавшей за нами.

– Девушка, какой на сегодняшний день у вас самый хороший обувной крем? Хотелось бы к празднику туфли так начистить, чтоб блестели как новые.

– Туфли надо чистить каждый день, а не только к празднику.

Открытая улыбка на лице молоденькой продавщицы явно приглашала к общению.

– Ну, с этим у нас всё в порядке. Просто в данном случае туфлям необходимо придать идеальный, насколько это возможно, вид или, на худой конец, мало изношенных, – пояснил мой приятель Серёга.

– Тогда это специально для вас. Недавно получили новую краску для обуви. Она в аэрозольном баллончике, легко наносится на поверхность обуви, придаёт блеск и защищает от влаги. Вот посмотрите новинку.

Мы с любопытством рассматривали необычную упаковку, пытаюсь прочесть название. Яркие надписи на баллончике выглядели весьма привлекательно, но были написаны латиницей. Единственное что мы поняли, – произведено средство в Таллине.

– Похоже, это аппретура, обувная краска. Мы такой подкрашивали обувь, когда были на трудовой практике, на обувной фабрике высказал я предположение, основываясь на своих школьных знаниях обувного дела.

Расфасовка только необычная, больше смахивает на дезодорант, разве что баллончик чуть больше. Серёга, посмотрел на краску, на меня, лукаво усмехнулся и уверенно сказал: «берём».

Через пару дней мы без проблем поменяли туфли, а оставшуюся краску приберегли для следующего раза.

Предновогодняя суета взбудоражила общежитие работников Ленинградского речного порта. Оно гудело как улей. Все бегали друг к другу из комнаты в комнату, спрашивая что-нибудь из одежды, подбирая недостающие детали к своему костюму, а то и просто посоветоваться или похвастаться своим нарядом. До начала Новогоднего бал-маскарада оставалось не более получаса. Неспроста молодые и более взрослые обитатели рабочего общежития стали прихорашиваться. Месяц назад, на давно уже вакантную должность воспитателя, была принята молодая, незамужняя женщина, лет двадцати семи. Не знаю, кому пришло в голову назначить её на эту должность, но так уж случилось, и этот Новогодний бал-маскарад был её дебютом. Весьма миловидная, она сразу произвела впечатление на холостых мужчин, и многие старались понравиться ей или обратить на себя внимание.

– Мужики, у вас крем обувной есть? – спросил приятель из соседней комнаты.

– Если тебе чёрный, то возьми вон там, – указал Серёга на тумбочку у двери, – только это не крем, а краска для обуви.

– Ну, это даже лучше, – обрадовался сосед, доставая аэрозольный баллончик с краской из стоявшей у двери тумбочки, – я сейчас верну, – добавил он и побежал наводить лоск на издавшие виды туфли

– Ну, спасибо, выручили, – из-за полуоткрытой двери протянулась рука и поставила баллончик с краской на тумбочку.

Пожалуй, пора и нам двигаться, стал поторапливать меня Серёга.

– Я точно знаю, в сто тридцатой есть новый дезик.

– Чур, я первый, – из коридора донеслись голоса и топот, приближающиеся к нашей комнате.

Кто-то явно спешил нахалюву попользоваться парфюмерией. От резкого толчка дверь распахнулась, первый влетевший схватил стоящий на тумбочке баллончик, направил распылитель себе на лицо, зажмурил глаза, нажал на колпачок, ... освежился, утёр ладонью лицо и, взглянув на себя в зеркало, едва не лишился сознания.

– ...А! Что это ...? – крик отчаяния, страха и недоумения повис в воздухе.

Дикий хохот и крики: «Мавр! Мавр!», – раскатом покатались по всем этажам общежития.

Успокаивая приятеля, общими усилиями из двух простыней соорудили ему костюм Отелло и, докрасив обнажённые участки тела всё той же краской, отправились на бал-маскарад. Первый приз за костюм стал не единственной наградой доставшейся ему на этом балу. Такой жертвенности ни одна женщина не смогла бы ни не заметить и ни недооценить. Так оно, впрочем, и случилось вскоре. Свадьбу справили через полгода, летом. С тех пор я утвердился во мнении, что случайностей в жизни не бывает.

Надо быть в меру ленивым

Надо быть в меру ленивым, чтобы не делать лишнюю работу» – любил повторять вахтенный начальник, однако эти наставления, видимо, не пошли мотористу впрок. Ему бы отремонтировать шланг да накачать воды насосом, дел-то всего минут на пятнадцать, а он.... Вот уже с полчаса моторист пытался освободиться от верёвки, закреплённой удавкой на запястье. На другом конце капронового фалиня находилось ведро, вытащить которое из кильватерной струи никак не удавалось. Отступая от леерного ограждения, он подтаскивал ведро под самую корму, но чем ближе, тем сильнее становился напор воды, и последние два-три метра никак не удавалось одолеть. Намаявшись, обессиленный он, навалившись на леер, отдышал и прикидывал каким образом освободиться от ведра. Как назло ни ножа, ни зажигалки с собой нет, похлопав свободной рукой по карманам, с сожалением выяснил он. О том чтобы вытащить ведро, он уже не надеялся. Одному это не сделать, а помощи ждать неоткуда. Вахтенный начальник – дублёр капитана, ещё одна живая душа, находился в ходовой рубке и управлял судном. Небольшой танкер, бывший когда-то речным трамвайчиком, спускался вниз по Неве к Финляндскому мосту.

– Вот же, ёрш твою медь, надо ж так вляпаться. И сколько у меня ещё хватит сил держаться. Минут десять – пятнадцать, не больше, а дальше что? Неужели конец? Нет, так не бывает, всё в жизни должно иметь какое-то назначение, иначе для чего прожил свои двадцать лет, так и не успев ничего добиться или совершить нечто такое, что оправдывало бы его прежнее существование. Да, собственно говоря, у него и не было ещё никакой возможности как-то проявить себя. Родился, – так это не его заслуга. Учился, – и то не ахти как. Вот, пожалуй, и всё.... ну, ещё приехал в Ленинград. Может мне ещё предстоит выполнить своё предназначение, (знать бы, в чём оно состоит), а тут такая незадача....

С полчаса назад Валерка, собрав шланги после бункеровки плавкрана, поднялся в ходовую рубку.

– Ну что, вроде бы все заявки на сегодня выполнили? – не то спросил, не то констатировал он.

– Пожалуй, что так, – согласился штурман, – пока добежим до «СЗ», да забункеруемся, раньше одиннадцати часов не управимся, а там и разводка на носу.

– Володя, а может свежей воды в бак накачать? – предложил моторист, – здесь она почище, чем в городе, пока дойдем – нагреется, вечером тёплой водичкой помоемся.

– Иди, только проверь рабочий шланг, по-моему, его надо отремонтировать, сменщики передали, что он порван.

– Ну, нет, они порвали, пусть сами и делают, я быстрее так, ведёрком натаскаю, – ответил моторист.

– Смотри, новое ведро не утопи, да сам за борт не нырни, – предостерег вахтенный начальник. Ведёрко-то на коротком поводке под самую корму бросай, – добавил он, однако моторист, уже выскочивший на палубу, не услышал последних наставлений.

Низкая кормовая часть судна нависала над водой, бурлящей за кормой. Под самой кормой и в метре за ней вода, образуя воронку, уходила вниз, а затем, выбрасываемая винтом, мощной струёй поднималась из глубины на поверхность, служа как бы упором, отталкиваясь от которого судно двигалось вперёд. Вот в это разряжённое пространство под кормой и забрасывали ведро, когда необходимо было набрать воды на ходу.

Привязав, на всякий случай, верёвку за леерное ограждение, Валерка наклонился, и, держа ведро за дужку, ловко зачерпнул им воды.

– Не так и сложно, – отвязывая верёвку от леера, подумал он, до этого только видевший как это делали опытные моряки.

Зачерпнув ведром пару раз, он решил, что привязывать верёвку к лееру совсем не обязательно, куда проще просто держать её в руке.

– Пожалуй, так не потеряю ведро, решил он, накидывая конец верёвки удавкой на запястье и, свесившись за борт, в очередной раз нагнулся за водой. Судно качнуло на волне и наполненное водой ведро, выскочив из руки, нырнуло под корпус.

– Вот зараза, только бы не намоталась на винт, – мелькнула мысль и, отпрянув назад, Валерка стал быстро выбирать верёвку. Злосчастное ведро, попавшее в кильватерную струю, резко натянуло её, затянув удавку на руке, и с силой потащило его за собой. Если бы не крепкое леерное ограждение, сваренное из двухдюймовых труб, быть бы ему за бортом...

Абсолютно уверенный, что раз до сих пор в его жизни случайных событий не происходило, то и это досадное происшествие также должно иметь свою логику, но пока, ... пока леер больно давил на грудь.

– Вот наказание-то, – сетовал на себя Валерка, – но должен, просто обязан быть какой-то выход.

Немного отдохнув, Валерка снова и снова отступал назад, ложился на палубу, вытянувшись во весь рост и упирался ногами в ограждение. Через несколько минут, ноги подгибались, он наклонялся вперёд и складывался, будто меха гармошки. Кисть руки, сдавленная верёвкой, вначале была красной, но теперь посинела, а мышцы, уставшие от напряжения, не могли больше сдерживать натяжение верёвки. Растянутые сухожилия начинали болеть всё сильнее.

– Если Володя добавит оборотов на двигатель, то мне не выдержать, придётся прыгать за борт, в холодную воду. Она и летом не была тёплой, а сейчас, и вовсе, ледяная, – прикидывал он возможные варианты.

– Если уж прыгать за борт, так лучше всего в Ивановских порогах, там и с дежурного поста могут заметить, и ближе всего до берега. Течение в порогах конечно сильное, но оно сваливает вправо, на луду, – вспоминал Валерка лоцию реки Невы, – по крайней мере, это последний шанс.

Случись ему оказаться за бортом ещё полчаса назад, он был уверен, что легко добрался бы до берега даже в холодной воде и одежде, но теперь, изрядно уставший, сильно сомневался в благополучном исходе.

– Ну, всё, потяну последний раз, а если ничего не получится, буду прыгать.

Валерка отступил назад, вновь завалился на спину и упёрся ногами в леерное ограждение. Боль в руке становилась невыносимой. Чтобы как-то ослабить её, он продолжал одной ногой упираться в леер, а другой старался обвить, натянутую как струна верёвку. Кильватерная струя стала отклоняться в сторону, судно слегка накренилось влево, и Валерка почувствовал, что натяжение верёвки немного ослабело. Наконец ему удалось зацепить ступнёй фалинь и завести его под низ леера.

– Господи, – неожиданно подумал Валерка, – давно я Тебе обещал, но на этот раз точно, если выберусь из этой передраги, обязательно окрещусь.

Изо всех сил, прижимая ступнёй верёвку в стык леера и опорной стойки, он почувствовал, что натяжение фалиня ослабло. Валерка подался вперёд и свободной рукой скинул петлю удавки с запястья. Посиневшая ранее кисть руки мгновенно распухла и стала похожей на надутую резиновую перчатку, а на запястье, чёрной полосой, проявился рифлёный след от капрового фалиня. Валерка взвыл от боли. Будучи не в силах подняться на ноги он на карачках пополз в ходовую рубку. Самое узкое место порогов миновали, и мотор натужено загудел. Пройдя Ивановские пороги, штурман добавил оборотов на двигатель.

Неделю спустя, стоя на пороге собора Александро—Невской лавры, Валерка размышлял: «надо ли ему креститься, заходя в храм Божий, если он, Валерка, ещё не окрещён?»

Решив, что, наверное, нет, он снял фуражку и вошёл в собор.

Рыбалка

В тот день мы ни куда не спешили. В Ладожское озеро вышли поздним вечером. Пройдя «Кошкинский» фарватер и приёмный буй, легли на привычный курс.

– Выпить хочешь? – ошарашили меня вопросом, когда я, часов в двенадцать ночи, поднялся в ходовую рубку.

Свет в рубке, как ни странно, был включен, а вахтенная служба, уютно расположилась на диванчике за столиком и оживлённо беседовали.

Это была моя вторая навигация на судах «волчьей стаи». Кто и почему так назвал эти суда? Ну, во-первых – за их серый цвет, в отличие от судов, выходящих в море, (корпуса которых были выкрашены в чёрный цвет). Во-вторых – за их наглую привычку обставлять на коротком переходе по Ладожскому озеру всех подряд, выжимая из своих машин всё до последней худой лошадиной силы. После разводки, когда караван из полутора или двух десятков судов почти одновременно выходит в Ладожское озеро, в Свирицу необходимо придти как можно скорее, иначе в ожидании шлюзования в Нижне-Свирском шлюзе можно простоять больше суток. В «волчьей стае» судоводители были экстра-класса, однако, и из них выделялись умельцы, способные тягаться в скорости даже с пассажирскими судами. Выходя в озеро последними в караване, в Свирицу, зачастую, они приходили первыми. Вот к такому капитану я попал, проработав почти две навигации на маршруте Подпорожье – Ленинград.

– Если здесь наливают, не откажусь, – ответил я, удивлённый не столько вопросом, сколько обстановкой.

– А у нас самообслуживание. Жаждающие могут насытиться за штурманским столом, только аккуратненько, карту мне не залей, – разъяснил третий штурман.

Судя по пустым бутылкам, составленным у штурманского стола, мероприятие продолжалось уже давно, да и тема разговора соответствовала уже второй стадии. (Как говорится – вначале о жизни, потом о работе, а на десерт – о бабах). Поговорить за жизнь – святое дело.

– Вот ты мне объясни, Палыч, – в который раз допытывался матрос, – в прошлом месяце мы план перевыполнили, и премию нам начислили хорошую, да только скостили на пятьдесят процентов, якобы за перерасход топлива, а нынче, мы получили квартальную премию за экономию того же самого топлива? Как же так получается, у них что, правая рука не знает, что делает левая?

– Р-разъясню, – отвечал Палыч, – премию, за выполнение плана, нам платят из фонда заработной платы, а этот самый фонд нужно экономить, иначе бухгалтерия не получит своей премии.

– Это что же получается? Эти, – матрос грубо выругался, – экономят на моей, или как правильной, на мною заработанной плате? Так что ли?

– Вот именно, в самую точку. Ну, а как же, им ведь тоже хочется премию получать, а платят им, как ты сам догадываешься, не за скорость счёта, а за экономию этих самых тобой заработанных денег, – разъяснил третий штурман, заведующий на судне финансами.

– А, вот ты и не прав, нам же всё равно их выплатили, правда, только под другим соусом, – не унимался матрос.

– Вот именно, другим, и из другой статьи расходов, не относящихся к заработной плате, а это уже их не касается. Так что и волки сыты и овцы целы, а две премии полностью получать, значит, нарушать принципы социалистического равенства, – перешёл штурман от экономики к политике.

Разговор мог затянуться ещё надолго, если бы я, после того как «дёрнул» сотку граммов, не подошёл к окну. Впереди, прямо по курсу, светилось множество ярких огней, которых, в этом месте, никак не должно было быть. Ближайший населённый пункт, Шумское, Дубно

или Новая-Ладога, по правилу, должны находиться на траверсе. Подойдя к компасу, я посмотрел на курс, потом вернулся к штурманскому столу и, найдя последнюю отмеченную точку, (и как это они за пьянкой не забыли её поставить?) убедился, что мы действительно находимся напротив Новой-Ладоги, и курс действительно верный. Если только у нас чего-либо не сломалось, к примеру, гирокомпас или авторулевой, а это уже моя промашка и проблема. Взяв бинокль, я вышел на крыло мостика, но огни от этого никуда не пропали, а стали только ярче и их стало ещё больше.

– Мужики, а куда это мы идём, уж не в Новую ли Ладогу?

– А какого хрена мы там позабыли? – ответили штурман.

– Судя по количеству огней, прямо по курсу какая-то деревня.

Капитан привстал с дивана, посмотрел в окно, и, оценив ситуацию, произнёс всего два слова:

– Штурман, курс?

Штурман подскочил со стула, метнулся к компасу: «Курс дцать градусов», – лихо доложил он.

– Прр-аа-вильно! – подтвердил капитан и вновь уселся на диван, а штурман, даже не взглянув в окно, вернулся к столу.

В этот момент я понял, что являюсь для них гораздо большей помехой, чем окружающая обстановка, так как не дошёл до их кондиции. И действительно, чего это я загоношился? В рубке вся вахтенная служба во главе с капитаном, а я как, ну в общем озабоченный, мечусь тут. Чтобы скорее дойти до их безмятежного состояния, я накатил ещё сотку, хотя признаться пошла она хуже, чем первая. Первая, всё же, была в охотку, а вторая как бы по необходимости.

– Палыч, а расскажи лучше, за что тебя лишили визы?

Видимо слышавший от кого-то эту историю, штурман решил выяснить подробности из первоисточника.

– За доброту сердечную, сын мой.

– Как это так, за доброту? – не унимался штурман.

– А вот так, по доброте душевной, сделал доброе дело, за что, можно сказать, и пострадал, а если быть точнее, то из-за баб.

Разговор явно переходил в третью стадию.

– Вот это точно, все беды от баб.

– Ну, может и не совсем из-за баб, хотя без них не обошлось. Пришли мы как-то с моря и встали на набережной Шмидта, (надо было снабжение получить), ну и задержались на выходные

Очередная байка плавно потекла из уст рассказчика, а я всё никак не мог понять, почему их абсолютно не волнует, что происходит вокруг судна. Даже радар они не собираются включать. Ну, с радаром понятно, он на судне один и его берегут, пуше собственного глаза, но что они знают такого, чего ещё не знаю я, и это знание позволяет им хрен завалить на всё вокруг? Не задавая больше глупых вопросов, я снова взял бинокль и принялся искать отгадку самостоятельно. Вскоре в бинокль стали отчётливо видны не только уличные фонари деревни, но и светящиеся квадратики окон домов, и даже, как будто, послышался лай собак.

– Блин, да что это за Китеж град? Если мы идём правильно, то он стоит на воде прямо у нас на пути, а если мы всё же сбились с курса, то почему это никого не беспокоит?

– ... ну, короче, – продолжал рассказчик, – пришли штурманец с поварихой ко мне среди ночи и слёзно просят, чтобы я расписал их. Жениться им, видите ли, невтерпёж и я, ну просто обязан помочь их горю. А вдруг завтра с утра опять в море, так они и до ЗАГСа не дойдут. В общем, уговорили они и я, вроде как в шутку, зарегистрировал их брак в вахтенном журнале. Утром, эта матрёшка, пока на судне ещё все спали, взяла вахтенный журнал, сняла и заверила у нотариуса копию страницы и мигом в ЗАГС, выдавайте, мол, мне свидетельство. Всё бы

ничего, да у штурманца, женишка нашего молодого, оказывается, ещё одна зазноба была, уже на сносях, и они, как назло, вместе с мамашей заявили на судно. В общем, шумиха докатилась до парходства. Вызвали меня, соответственно раздолбали, а потом и с визы сняли.

Дослушал я конец этой забавной истории, и как бы, между прочим говорю: «А в деревне-то уже слышно как собаки лают».

Капитан привстал с дивана и вновь, но уже более требовательным голосом, произнёс: «Шт-т-т-урман, курс!?»

– Курсдцать градусов, – отрапортовал штурманец.

– Правильно, – подтвердил капитан, но на место уже не сел, а, посмотрев в окно, приказал, – включить радар.

Всё-таки мне удалось расшевелить их. Они как-то засуетились, стали поглядывать вперёд, по сторонам, заглядывать в экран локатора, определяться по карте.

– Ах, они, черти полосатые, – услышали мы голос капитана, заглядывавшего в тубус локатора, —

на рекомендованном курсе ночлежку устроили, ну я вас сейчас, рыбы потроха, научу на якорь становиться. Штурман, покричи по рации этих рыбаков.

Впереди, уже и без бинокля, были отчётливо видны якорные огни десятка двух рыболовецких судов, стоящих на якорях. Домой, в Новую-Ладугу, идти далековато, вот они, поставив сети, и устроили якорную стоянку, чтобы сразу с рассветом приняться за работу.

– Пожалуй, сейчас рыбкой разживёмся.

– Да у них наверняка ничего ещё нет, они только утром будут сети снимать.

– Как это у рыбаков, да нет рыбы, освети-ка штурман их прожектором.

На связь, как и предполагали, никто не вышел, и не отреагировал ни на яркий луч прожектора, которым высветили всю флотилию, ни на заманчивые предложения штурмана, по громкой связи предлагавшего поменять рыбу на водку.

– Спице, черти полосатые, ну так я вас сейчас разбужу, сейчас я вас, рыбы потроха, повололю, вы у меня в Свирице проснётесь. Штурман, приготовить кормовой якорь к отдаче, – приказал капитан.

– Пальч, как так, на полном ходу якорь отдавать? – не поверил штурман.

– Делай что тебе велено, и не спорь, иначе это будет твой последний рейс.

Штурман недоуменно пожал плечами и пошёл на ют готовить якорь, и через пару минут доложил: «Кормовой якорь к отдаче готов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.